

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Ежегодник 2014

EASTERN ANALYTICS
Annual 2014

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Annual 2014

Moscow
2015

Российская академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Ежегодник 2014

Москва
2015

Редакция

В. В. Наумкин
(главный редактор)
В. Я. Белокреницкий
(зам. главного редактора)
А. В. Акимов
А. В. Сарабьев
Н. Ю. Ульченко

Члены редколлегии

А. К. Аликберов
А. Д. Васильев
А. В. Воронцов
А. Д. Воскресенский
И. Д. Звягельская
В. А. Исаев
В. А. Кузнецов
С. Г. Лузянин
Н. М. Мамедова
Э. В. Молодякова
Д. В. Мосяков
С. А. Панарин
И. Р. Томберг
Т. Л. Шаумян

Ответственный редактор выпуска — А. В. Акимов
Редактор статей на русском языке — Е. Ф. Щепилова
Редактор статей на английском языке — В. М. Немчинов

ISBN 978-5-89282-639-6 © Институт востоковедения РАН, 2015
ISSN 2227-5568

Первая международная конференция по уйгуроведению: история, культура и общество

(Вашингтон, 25–27 сентября 2014 г.)

*Т. А. Аникеева, В. А. Бармин, А. Д. Васильев,
Д. Д. Васильев, С. В. Дмитриев, Ю. И. Дробышев,
Д. В. Дубровская, А. Ш. Кадырбаев, Л. А. Чவர்ь*

Данный информационный обзор международного научного мероприятия дает представление о различиях в исследовательских подходах западных и российских ученых в изучении исторических и современных проблем одного из разделенных народов мира — уйгуров, чей вклад в культуру и становление целого ряда государств Центральной Азии является важным цивилизационным фактором мирового развития.

25–27 сентября 2014 г. в Вашингтоне прошла Первая международная конференция по уйгуроведению (First International Conference on Uyghur Studies), организованная Институтом европейских, российских и евразийских исследований (Institute for European, Russian and Eurasian Studies, IERES) Школы международных отношений им. Ллойда Эллиотта (Elliott School of International Affairs), являющейся подразделением одного из крупнейших университетов США, Университета Джорджа Вашингтона (The George Washington University). В конференции приняли участие около 40 ученых из США, России, Франции, Великобритании, Турции, Казахстана, Австралии, Германии, Киргизстана, Таджикистана, Швеции и Тайваня. Российская делегация была представлена учеными из ИВ РАН, Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул), Норильска. Конференция была организована на высоком научном и техническом уровне — был подготовлен сборник тезисов докладов на русском и английском языках, обеспечены возможность презентаций, синхронный двухсторонний английско-русский перевод, а также перевод с уйгурского и турецкого языков, на которых выступали некоторые докладчики.

На открытии конференции с приветственным словом выступили: госпожа Ребия Кадир (Rebiya Kadeer), глава Международного уйгурского конгресса (World Uyghur Congress), Дэвид Крамер (David Kramer), президент правозащитной организации Freedom House, Т. Кумар (T. Kumar), директор по правозащитной деятельности Amnesty International, правозащитница Сью Гунавардена-Вон (Sue Gunawardena-Vaughn) из Американской ассоциации продвижения науки (American Association for the Advancement of Science), Марк Лагон (Mark Lagon), профессор Джорджтаунского университета (Georgetown university) и Халюк Ахмет Гюмюш (Haluk Ahmet Gümüş), депутат Турецкого парламента, член Республиканской Народной партии Турции.

Все выступавшие отметили уникальность уйгуроведения, которое сочетает в себе как остроактуальные, политические, так и сугубо академические темы в области целого ряда научных дисциплин: истории, филологии, лингвистики, антропологии, социологии.

Работа конференции открылась двумя круглыми столами, посвященными наиболее актуальным проблемам уйгурского народа в современной политике и геополитике. В них участвовали *Шон Р. Робертс* (Sean R. Roberts) (Университет Джорджа Вашингтона, США), *Майкл Диллон* (Michael Dillon) (независимый ученый, ранее директор Центра современного китаеведения в Университете Дарема (Centre for Contemporary Chinese Studies, University of Durham, Великобритания), *Гарднер Бовингтон* (Gardner Bovingdon) (Университет Индианы (Indiana University) Блумингтон, США), *Хенрик Шадзиевски* (Henryk Szadziewski) (Уйгурский проект по правам человека (Uyghur Human Rights Project), США), *Кылыч Канат* (Kılıç Kanat) (Университет штата Пенсильвания (Penn State University), США), *Дрю Глэдни* (Dru Gladney) (Институт Тихоокеанского бассейна Помонского колледжа (Pacific Basin Institute, Pomona College) Клермон, Калифорния, США), *Джеймс Миллард* (James Millward) (Джорджтаунский университет, США), *Валерий Бармин* (Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул, Россия), *Юнус Коч* (Yunus Koç) (директор Института тюркологии Университета Хаджеттепе (Turkish Studies Institute, Hacettepe University) Анкара, Турция). Были затронуты многие сложные проблемы современного уйгурского общества — отношение к политике ассимиляции, радикализация уйгурской молодежи, тяжелое положение уйгурской интеллигенции. Нет никакого сомнения, что все эти вопросы требуют незамедлительного и самого пристального внимания как международного сообщества, так и академических исследований. В целом присутствующие поддержали высказанную *Дрю Глэдни* идею решения проблем уйгуров посредством ее интернационализации и создания специальной комиссии во главе с международными чиновниками для урегулирования конфликтов.

Первая сессия докладов, «Социальные связи уйгуров, идентичность и борьба», открылась сообщением *Майкла Диллона* «Религия, репрессии и традиционная уйгурская культура в южной части Синьцзяна: Кашгар и Хотан (2010–2014)». История и культура Южного Синьцзяна (Наньцзяна) в основном схожа с остальной частью региона, но есть и ряд причин, среди них особенности исторического развития, большое расстояние до Урумчи — главного центра власти в северном Синьцзяне — более глубокая бедность и социальные трудности, а также более высокая доля уйгуров в населении — по которым его следует рассматривать как район, отдельный от северного Синьцзяна.

Когда в июле 2009 г. в Урумчи начались беспорядки, ситуация в Кашгаре оставалась относительно спокойной, несмотря на сильное недовольство, вызванное массовым разрушением района старого уйгурского базара и старых домов: в значительной степени это объяснялось большим количеством войск и вооруженной полиции, дислоцированных в городе. В Кашгаре находятся знаменитая мечеть Идгах и мазар Аппак-Ходжи, которые когда-то были тра-

диционными центрами исламской власти и местом проведения религиозных обрядов, но впоследствии их превратили просто в туристические достопримечательности. Религиозная практика в городе сохраняется, но явно не демонстрируется и осуществляется в мечетях в бедных районах, многие из которых исчезают в ходе реализации программы сноса и заменяются мечетями более современного дизайна, которые, как считают многие уйгуры, не вписываются в их традиции религиозной архитектуры.

Напротив, в Хотане, где также размещались военные, летом 2010 г. наблюдалось гораздо более свободное вероисповедание, чем в Кашгаре. Интересный пример тому демонстрирует ежегодное чествование мазара Имама Асима. Праздник не признавался китайскими властями, но наблюдения показывают, что на самом деле он остается главным религиозным событием в оазисе.

Начиная с лета 2011 г. и в Кашгаре, и в Хотане стали происходить столкновения и кровопролития, не прекращающиеся по сей день. Причины насилия неясны и остаются предметом спора, но хотанские уйгуры жалуются на задержание без суда многих молодых мужчин после годовщины беспорядков в Урумчи в июле 2009 г., попытки запретить женщинам носить черные платки и одеяния, а также конфискации сельскохозяйственных земель в целях восстановления почвы. Некоторые источники сообщают, что в результате первого инцидента летом 2011 г., погибли 20 человек. В Кашгаре насилие вспыхнуло 30 июля 2011 г, как раз перед Рамаданом: произошло два взрыва. Угнанный автомобиль врезался в пешеходов на людной улице, где ханьские рабочие обычно собираются около киосков с едой: шесть или семь человек погибли и почти 30 человек получили ранения. Организаторы данных акций не озвучили свои требования, но кроме неутраченной обиды за разрушение традиционной архитектурной среды, бывшей символом уйгурского культурного и религиозного наследия, люди стали проявлять недовольство тем, что реконструкцию вели подрядчики с востока, т. е. внутреннего Китая, которые привлекли китайцев даже для неквалифицированного труда, хотя эти позиции можно было бы предложить местным безработным уйгурам.

С 2011 г. отдельные вспышки насилия и сопротивления продолжались в городах и деревнях в окрестностях Кашгара и Хотана и дальше, в префектуре Аксу. Они сопровождались «террористическими» атаками в Урумчи, Пекине¹ и Куньмине².

¹ 28 октября 2013 г. внедорожник врезался в толпу туристов на площади Тяньаньмэнь, взорвался и загорелся. Водитель, его жена и мать погибли. Жертвами теракта стали двое туристов, еще около 40 человек получили ранения.

² 1 марта 2014 г. на железнодорожном вокзале в г. Куньмин в юго-западной провинции КНР, Юньнань, группа из 10 вооруженных ножами мужчин напала на толпу пассажиров у билетных касс. 29 человек погибло, 143 были ранены. Ряд источников сообщает, что среди террористов были и женщины. Согласно информации, представленной на конференции, не исключено, что группа оказалась в Куньмине вовсе не с целью организовать теракт — в последнее время границы Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР охраняются особенно бдительно, и многие уйгуры пытаются бежать из КНР через юго-западные границы,

Доклад *Натана Лайта* (Nathan Light) (Университет Упсала (Uppsala universitet), Швеция) был посвящен уйгурским социальным сетям и китайской цензуре, прежде всего закрытию в 2009 и 2010 гг. двух крупных китайских сайтов социальных сетей, содержавших домашние страницы тысяч молодых, технически подкованных уйгуров — Fenbei.com и 163888.com. В докладе был проанализирован материал, собранный с этих сайтов до 2009 г., исследована характерная выразительная культура персональных страниц. Были изучены социальные связи между участниками, проведено сравнение с подобными личными страницами ханьцев. Ведется изучение иных сайтов и онлайн-сообществ, которые могут заменить эти два сайта в качестве средства личного самовыражения технически подкованной уйгурской молодежи.

Реми Касте (Remi Castets) (Университет Мишель Монтеня (Université Michel de Montaigne), Бордо, Франция) выступил с сообщением «Уйгурский ислам и государственный контроль в Синьцзяне». Не имея достаточной поддержки со стороны религиозных элит, после 1949 г. Коммунистическая партия Китая (КПК) не могла полагаться на уйгурское духовенство в той степени, в какой она полагалась на дунганских мулл в том, чтобы полностью нейтрализовать споры о примате государственной идеологии над религией. Во время 1980-х некоторые клирики и талипы намеревались продвигать модель модернизации, передающую верующим контроль над реализацией социально-политических реформ через реисламизацию уйгурского общества. Верная принципу демократического централизма, КПК не терпит альтернативные идеологии, соперничающие с ее политикой и выступающие против ее желания интегрировать уйгурское общество в китайское национальное государство. На протяжении последних десятилетий она реализует широкий спектр политических мер, направленных на подавление любого толкования ислама, противоречащего её собственной политике. Совсем недавно с помощью «юридического закрепления» религиозной деятельности она установила новые правила. Они направлены на искоренение любой «подрывной» деятельности в уйгурских мечетях и коранической системы обучения, определяя, что является допустимым и что нет в практике «современного и патриотического ислама». Китайское правительство столкнулось с проблемой подготовки религиозных кадров, когда получившая религиозное образование, например в Египте, молодежь гораздо более осведомлена в вопросах культа, чем подготовленная в учебных заведениях в Китае. Кроме того, ограничения и запреты предполагают запрет ношения бород, хиджабов и т. п.

Доклад *Шона Робертса* был озаглавлен «Уйгурстан — там, где находится дом. Система самоуправления и поддержание уйгурской национальной идентичности без государства». Большинство теоретиков наций и национализма предлагают очень государственно ориентированную интерпретацию создания и культивирования национального самосознания в современный пери-

направляясь в Малайзию и Индонезию. Возможно, именно таковы были планы и этой группы, которая решила на теракт, поняв, что за ними следят и пересечь границу не удастся.

од. Кроме того, теоретики государства от Грамши до Фуко характеризовали современное государство как чрезвычайно мощное в формировании культурных допущений и норм для своего населения. Как уйгуры находят возможность поддерживать сильную национальную идентичность, не только не имея преимуществ институтов собственного государства, но и живя в государствах, которые намеренно пытаются ограничить силу их идентичности?

Основываясь на полевых исследованиях, проведенных в Казахстане в конце 1990-х гг., а также применяя эти наблюдения к другим уйгурским общинам по всему миру, автор утверждает, что уйгуры, как правило, стремятся сохранить свою национальную идентичность и общность путем создания локальных уйгурских социальных пространств. В Казахстане в 1990-е гг. эти социальные пространства были созданы в этнических районах или *махаллях*, в подавляющем большинстве населенных уйгурами, и имели свои собственные неформальные структуры управления, а также производственную специализацию, занимая отдельную нишу в системе распределения труда, производя некоторые специфические продукты сельского хозяйства. Опираясь на труды Мишеля Фуко о современной «системе управления», автор выделил развитие и поддержание этих явных уйгурских социальных пространств в процесс под названием «самоуправление». Через создание «самоуправления» уйгуры продемонстрировали, что они способны уклониться от «системы управления» государств, в которых они живут, и воспроизвести коллективные идеалы, которые объединяют их как нацию и укрепляют устойчивость их коллективной идентичности. Разумеется, местные проявления уйгурского «самоуправления» существенно различаются в зависимости от контекста стран, в которых они проявляются. Например, уйгуры явно ограничены в своих силах, чтобы создавать такие социальные пространства вне «системы государственного управления» КНР в рамках современного Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), но в контексте Казахстана в 1990-е гг., когда «система управления» этого государства ослабла в результате развала Советского Союза, такие социальные пространства были чрезвычайно сильны. Таким образом, уйгурские *махалля* в Алматы в 1990-х гг. стали центрами для транснациональных переговоров всей нации, и уйгуры из Европы, Турции, Австралии и Китая часто приезжали сюда, особенно выделяя эти специальные социальные пространства. Хотя Алматы уже не играет такой роли, в связи с увеличением государственного контроля над местными уйгурами и контроля над уйгурским политическим движением, его заменили другие места уйгурского «самоуправления» по всему миру, в том числе уйгурские общины района Зейтинбурну в Стамбуле или даже местное уйгурское сообщество в Фэйрфаксе, штат Вирджиния.

Сообщение *Рэйчел Харрис* (Rachel Harris) (Школа восточных и африканских исследований, Лондонский университет (School of Oriental and African Studies, London University)) было посвящено уйгурскому машрапу в современных условиях. После того, как в 2010 г. уйгурская церемония «машрап» была занесена в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, эта куль-

турная традиция приобрела особенную известность в общественной жизни СУАР. Термин «машрап» можно перевести как «торжественные мероприятия, собрания», но также включает и ряд специфических практик, характерных для различных местностей. Машрап обычно включает ритуалы, исполнительское искусство, особенно музыку и танец, религиозное обучение и застолье. Уходя корнями в общественные традиции гостеприимства и взаимовыручки, они укрепляют связи внутри общины и поддерживают соблюдение местного морального кодекса. Летом 2012 г. машрап стал особенно популярен в регионе. Музыкальные и танцевальные ансамбли Синьцзяна исполняли «машрап» по телевизору, вышло несколько научных публикаций на уйгурском и китайском языках, а в книжных магазинах на продажу предлагались наборы DVD-записей машрапов. На рынок вышла новая серия бытовой техники под брендом «машрап», и по всему региону стали появляться многочисленные рестораны под названием «машрап». Такая популярность свидетельствует не только о сильной государственной поддержке, но и о всплеске уйгурской национальной гордости этой традицией. Однако нередко кажущаяся государственная поддержка оборачивается на низовом уровне борьбой с машрапами в уйгурских сельских общинах, где эти собрания часто квалифицируются как «террористические сходки».

Следующая сессия, «Синьцзян под китайским влиянием», открылась докладом *Гарднера Бовингтона* о новой национальной политике в Китае. После прихода к власти в 1949 г. КПК в построении национальной политики ориентировалась на опыт Советского Союза. В отличие от Гоминьдана, провозглашавшего политику ассимиляции, коммунисты признавали наличие этнических различий и предоставляли некоторые политические права этно-национальным группам, но, тем не менее, надеялись, что со временем, на пути к построению коммунизма, различия исчезнут, и с ними отпадет необходимость предоставления специальных политических прав. К разочарованию последних лидеров Китая, уйгуры, тибетцы и другие не-ханьцы по-прежнему остаются приверженными своим языкам и культурам и сопротивляются ассимиляции ханьским большинством. Китайские лидеры теряют терпение, особенно после волнений 2008 г. в Тибете и 2009 г. в Синьцзяне, многие полагают, что нынешняя политика слишком мягка, что усиливает политическую нестабильность. Ряд китайских ученых предложили сменить курс на более настойчивое поощрение ассимиляции и принять новую политику для достижения этой цели, напоминающую курс Гоминьдана до 1949 г. Однако эта политика, скорее всего, неспособна решить политические проблемы Синьцзяна и Тибета, и, напротив, только усугубит их.

Ши Цзяньюй (Университет Цзяньсин (Chien Hsin University of Science and Technology), г. Чжунли, Тайвань) выступил с докладом «Очередной раунд борьбы за власть: текущие дебаты по поводу этнической политики в Синьцзяне». Продолжающиеся споры об этнической политике среди научных и политических кругов в Пекине позволяют выделить три группы: консерваторов, китайских национальных конструктивистов и национальных региональных

автономистов. В период Ху Цзиньтао китайское правительство казалось слишком воодушевленным политикой «трех зол», разработанной консерваторами, которые в настоящее время подчинили себе и монополизировали контроль над интерпретацией истории Синьцзяна и его развитием. Китайские национальные конструктивисты не собираются принимать во внимание претензии и проблемы, непосредственно вытекающие из практики подавления в рамках соблюдения политики «трех зол». Вместо этого они ратуют за жесткость китайской этнической политики и предлагают устранить многонациональную классификацию и сфокусироваться на создании единого китайского национального государства. Консерваторы и китайские националисты, таким образом, дальновидно выбрали единую позицию, чтобы противостоять ортодоксальным национальным региональным автономистам. Национальная региональная автономия была объектом формального дискурса с момента создания КНР и была включена в конституцию и закон о региональной национальной автономии. Но КПК никогда до конца не верила в то, что национальная региональная автономия добросовестно и всесторонне станет частью китайской политической системы. Опираясь на конституцию, национальные региональные автономисты могут легко опровергнуть аргументы консерваторов и китайских национальных конструктивистов, но их предложения продолжить и ускорить принятие автономного законодательства для каждого автономного округа не были приняты китайскими властями. Внутренняя сплоченность политических кругов Пекина исключает добровольную инициацию перемен. Распределение ресурсов находится под контролем правительства в Пекине, и политические консультанты всегда используют свой авторитет в собственных интересах, воздерживаясь от идентификации проблем и поднятия вопросов, на которых наложено политическое табу. Таким образом, на данный момент можно констатировать практическую невозможность национальной региональной автономии в Синьцзяне.

Сообщение *Джоан Смит* (Joanne Smith) (Университет Ньюкасла (Newcastle University), Великобритания) было посвящено т. н. «Национальной программе партнерской помощи» — новой экономической политике КНР в СУАР. После беспорядков в Синьцзяне в 2009 г. китайские лидеры встретились в Пекине в марте 2010 г. с целью разработать программу сотрудничества «Восток — Запад», в рамках которой богатые провинции и муниципалитеты востока Китая выступают в качестве доноров и инвесторов для построения в Синьцзяне «умеренно благополучного общества». В регион были отправлены чиновники из 64 департаментов, чтобы изучить возможности улучшения жизни местных жителей и содействия «этническому равенству и единству». Аналогичная программа была объявлена для тибетских регионов, что означает, что китайское руководство по-прежнему считает, что экономическое развитие в беспокойных периферийных регионах сможет сгладить этническую напряженность. «Национальная программа партнерской помощи» с участием 19 провинций и муниципалитетов внутреннего Китая, как ожидается, обеспечит финансовую поддержку и наименее развитым южным оазисам Синьцзяна, где боль-

шинство населения — уйгуры. Тем не менее, до сих пор только один аспект этой политики был одобрительно встречен местным населением: увеличение минимальной ежемесячной зарплаты. Другие инициативы в основном воспринимаются как направленные на благо ханьских мигрантов, пытающихся вырваться из перенаселенного внутреннего Китая и выйти на новые пространства. Для местных уйгуров предполагалось создать рабочие места в индустриальном парке Хотан-Чжэцзян, расположенном на 2 км² земли, выделенной для новых заводов. Однако пока земля занята в основном ханьскими дельцами, которые роют пустые участки в поисках нефрита, в то время как нефритовым трейдерам-уйгурам запретили копать в этом районе на том основании, что это нарушает «работу по предотвращению наводнений». Поэтому местные уйгуры утверждают, что программа мало что сделала, чтобы помочь людям в Синьцзяне, а вместо этого подстегивает процесс «раздачи того, что принадлежит нам». В рамках строительства второго промышленного парка, финансируемого Пекином, были построены дороги, проведена энергетическая и водная инфраструктура. Тем не менее, после того, как в 2011 г. несколько ключевых должностей в городской администрации Хотана заняли чиновники из Пекина, местное население вновь стало опасаться роста коррупции и земельных спекуляций в пользу ханьских мигрантов. Данная статья анализирует, насколько «национальная программа партнерской помощи» выражает искреннее желание центра осуществить пространственное (и этническое) перераспределение богатства или же она стремится консолидировать власть большинства на северо-западной периферии.

Кылыч Канат (Университет Пенна, США) прочел доклад об использовании «войны с террором и радикализмом» в качестве отвлекающей стратегии режима в КНР. Исследование показывает, что в некоторых случаях такие государства, как Китай, используют отвлекающие стратегии, такие как «война с террором», чтобы отвлечь внимание общественности от постоянных внутренних проблем, решить проблему легитимности и сплотить своих граждан под флагом своего режима. Эти отвлекающие стратегии направлены на то, чтобы сделать козла отпущения из конкретной группы и обвинить их в текущих проблемах страны. В этом исследовании пример уйгурского меньшинства в Китае и политики государства по отношению к этой этнической группе показывает, что уйгурское меньшинство было выбрано в качестве «инакомыслящих» после 11 сентября 2001 г., чтобы демонизировать протестующих в уйгурской диаспоре и чтобы объединить китайский народ через восприятие террористической угрозы. Последствием такой политики обычно становится снижение взаимного доверия между различными этническими группами.

Кара Абрамсон (Kara Abramson), независимый исследователь из США, выступила с докладом о проблемах борьбы за права человека в Синьцзяне. В последние годы вопросы прав человека в СУАР привлекают к себе пристальное внимание международного сообщества, но в деле сбора достоверной информации в сфере прав человека в данном регионе существует множество препятствий. Есть проблемы с расширением научных исследований на эту тему.

Опираясь на источники в Синьцзяне и обширные материалы по международному праву в области прав человека, докладчик рассматривает ряд факторов, мешающих или, напротив, способствующих пониманию ситуации с правами человека в Синьцзяне, и особенности правозащитной деятельности, касающейся уйгуров, даёт оценку эффективности усилий по защите уйгурских интересов.

Второй день конференции начался с сессии «Изменения уйгурского языка и ландшафтов». С сообщением о проблемах уйгурской демографии по данным переписи населения 2010 г. выступил *Стэнли Тунс* (Stanley Toops) (Университет Майами (Miami University), Огайо, США). Перепись 2010 г. показывает, что в Синьцзяне проживает 21820000 человек (перепись 2000 г. зарегистрировала 18460000 человек). Соотношение мужчин и женщин в Синьцзяне сопоставимо с остальной частью Китая, среди уйгуров соотношение ниже, чем у ханьцев. Средний возраст населения Синьцзяна ниже, чем в других частях Китая; население южного Синьцзяна особенно молодо. С точки зрения национальности (миньцзу/миллет) уйгуры еще доминируют на юге, а казахи — на севере. При анализе данных предыдущей переписи становится ясно, что население стареет и становится более городским. Демографические тенденции также показывают рост ханьских мигрантов среди общего населения.

Доклад *Арьен Двайер* (Arienne Dwyer) (Университет штата Канзас (University of Kansas), США) был посвящен уйгурскому языку диаспор. Тогда как уйгурская языковая территория, предположительно, сокращается под давлением доминирующих языков (китайский и русский, а также английский), среди уйгурских элит разгорается дискурс о чистоте языка. Уйгурский язык в США некоторыми видится как «нечистый». В некоторых диаспорах ведутся активные усилия по очистке уйгурского языка от следов китайского. Одна из этих диаспор — американская — владеет медиа-ресурсом и поэтому обладает непропорционально большим идеологическим влиянием. Эта статья оценивает влияние этого вида зарождающегося языка — который исследовательница называет «декитаизированный уйгурский» — на современный стандарт уйгурского языка и его носителей. Эти процессы рассматриваются, путем анализа репортажей в СМИ, через три призма: диглоссии, языкового пуризма и китаизации. Независимо от активной деятельности диаспор по очистке языка в Синьцзяне также появилась реакция (впрочем, едва заметная) со стороны местного населения на язык государственной власти. Идеология чистоты языка оказывает влияние как на споры среди уйгуров Синьцзяна, так и на дебаты диаспоры. Тем не менее, репортажи и интервью показывают, что «чистота» уйгурского языка может сохраняться даже с заимствованиями из других колонирующих языков, таких как русский и английский — но только не из современного китайского. Так как такая идеология набирает обороты, понятие «престижного уйгурского» также эволюционирует как в Китае, так и в диаспорах. На основе лингвистического, стилистического анализа, а также анализа критического дискурса уйгурских СМИ автор определяет как социально-политические, так и языковые тенденции в современном уйгурском языке,

и утверждает, что уйгурский язык диаспор является новым видом, достойным изучения.

Джулия Кабрас (Giulia Cabras) (Национальный институт восточных языков и культур (Institut national des langues et civilisations orientales), Франция) выступила с сообщением о переключении уйгурско-китайского языкового кода в городских районах Синьцзяна. В многоязычных обществах языки и языковые привычки часто отражают этнические отношения, социальные изменения и культурное взаимодействие. Уйгурский язык прекрасно иллюстрирует эту ситуацию. В самом деле, этот язык меньшинства носит следы языков, с которыми он был в контакте на протяжении всей своей истории, таких как арабский, персидский, русский и китайский. Последний совсем недавно стал основной частью языкового репертуара уйгуров. Городские районы в Синьцзяне в настоящее время испытывают значительные изменения в демографии и лингвистическом ландшафте и, следовательно, в языковых привычках. Китайцы составляют большинство в некоторых городах в Синьцзяне, и уйгурский язык уступает место китайскому, чаще используемому в общественной сфере, в частности в таких областях, как администрация, СМИ и образование. Это происходит из-за китайско-ориентированной языковой политики, направленной на распространение стандартного языка как инструмента социально-экономического развития. Кроме того, изучение китайского также поддерживается многими уйгурскими семьями, которые видят в этом языке ключ к лучшему будущему для своих детей. В результате уйгуры часто используют китайский во взаимодействии друг с другом, даже в разговорах в группах. Устный неофициальный уйгурский, на котором говорят в городах, испытывает влияние контакта с языком ханьцев: уйгуры часто переключаются между этими двумя языками или используют китайские термины, связанные с различными семантическими полями в уйгурских высказываниях. Это явление обычно носит название «переключение языкового кода» и является характерным для двуязычных и многоязычных сообществ, как между генетически родственными, так и неродственными языками, и может представлять собой полезный инструмент для изучения взаимодействия между различными группами и продемонстрировать социальную и политическую ценность языков в данном сообществе. В исследовании были использованы три различных набора данных, собранных автором за пять месяцев работы в Урумчи в 2013 г.: этнографические наблюдения о языковых привычках и этнических отношениях, полевые заметки о беседах между уйгурами, а также аудиозаписи. Переключение между уйгурским и китайским языками имеет разные роли и значения. Прежде всего, оно играет важную роль в дискурсивных стратегиях. Использование двух языков в дискурсе может носить реферативную, выразительную или эмпатичную функции. Кроме того, китайский язык, вероятно, используется для обозначения чувств, которые, как правило, не выражены в уйгурской культуре. Во-вторых, переключение кода показывает значение китайского языка в лексиконе уйгурского языка. Уйгурский в настоящее время испытывает своего рода релексификацию: уйгурские слова заменяются китайскими

как для культурных, так и для основных форм. Кажется, что язык, на котором говорит большинство, становится источником общей и современной лексики, в частности в семантических полях, связанных с новыми тенденциями, продуктами питания, управлением, образованием и названиями кварталов и улиц Урумчи. Все чаще русские заимствования заменяются китайскими словами. Использование китайской лексики в уйгурской неформальной речи, безусловно, является результатом сильного культурного и языкового контакта между двумя общинами, и китайский, очевидно, представляет самый престижный и распространенный язык в Синьцзяне. Кроме того, использование китайского лексикона, как представляется, мотивировано различными факторами, такими как специфичность и краткость этого языка. Первый фактор, специфика, является типичным для престижных языков в многоязычных обществах, так как они обычно обогащают лексикон словами, которые не имеют реального эквивалента на языке меньшинства. Второй, лаконичность, особенно характерен в столкновении уйгурского, агглютинативного языка. и китайского, изолирующего языка с краткостью слов и выражений. В-третьих, переключение кода содержит идеологическую ценность. Переключение кода часто наблюдается в обществе, где оно существует как отрицательная языковая привычка, показывающая несовершенный контроль языков и смешанную идентичность. В Синьцзяне эта точка зрения является популярной в рамках текущего этнического дискурса. Даже если китайский признается в качестве основополагающего языка, который стоит выучить и говорить на нем, чтобы получить хорошую позицию в сегодняшнем синьцзянском обществе, уйгурское языковое сообщество, и в частности интеллектуальные элиты, подчеркивают необходимость разделять эти два языка в дискурсе и создать новый словарь, который может отвечать потребностям современной коммуникации. Переключение кода между китайским и уйгурским языками не только представляет собой мощный инструмент коммуникации, но и угрозу для уйгурской идентичности, особенно во время текущей фазы культурной и языковой ассимиляции уйгурского общества. Использование уйгурского и китайского языков в дискурсе приглашает поразмыслить о будущем уйгурского языка. Использование переключения само по себе, и в частности использование китайской лексики можно рассматривать как признак распада языка, что в будущем может повлечь за собой такие процессы, как языковая смена. Но также можно рассматривать переключение как попытку найти консенсус между коммуникационными и социальными потребностями и сохранить родной язык, несмотря ни на что.

Сообщение *Эркина Эмета* (Erkin Emet) (Университет Анкары (Ankara Üniversitesi), Турция) также было посвящено влиянию китайского языка на уйгурский язык. Уйгурский язык, в отличие от большинства других языков этнических меньшинств в современном Китае, смог сохранить свои позиции и используется в широких сферах применения. Уйгурский язык преодолел все этапы развития и сформировался в единый литературный язык, он широко используется носителями в обиходной и литературной формах. Однако начи-

ная с 2000-х гг. уйгурский язык стал сдавать свои позиции доминирующему китайскому. Очень важную роль сыграло введение в 2003 г. т.н. «двухязычного» образования, которое на деле имеет своей целью вытеснение уйгурского языка из средней школы.

Жан-Поль Луб (Jean-Paul Loubes) (Школа архитектуры Париж — Ла-Виллет (Ecole d'Architecture Paris — La Vilette)) рассказал о трансформации оазисных городов в Синьцзяне на примере Кашгара. Радикальная трансформация оазисных городов Синьцзяна свершилась на фоне общего безразличия западных наблюдателей и СМИ с 1990 по 2010 г. Стратегия китайских проектировщиков состояла в том, чтобы перенести картину «правильности китайского города» на города вдоль северных маршрутов (например, Турфан) и южных маршрутов Такла-Макана (таких, как Яркенд или Хотан). В этих городах традиционный беспорядочный макет городских улиц, характерный для «восточного города» с его узкими улочками, был заменен прямолинейно расположенными широкими полосами, характеризующими модель «китайского города», путем ликвидации богатого архитектурного и культурного наследия уйгуров. Строительство крупных площадей, оснащенных гигантским экраном, завершило процесс китаизации архитектурного и городского пространства, означая исчезновение уйгурской городской и архитектурной культуры. Футуристическая архитектура, вдохновленная буддийским прошлым региона, «подпитывает» развитие туристических функций престижных мест. Старинный центр Кашгара являлся одним из последних районов города, который избежал полного уничтожения и сохранил до недавнего времени характерные черты уйгурской архитектуры и урбанизма. В период с 2000 по 2010 г. старый город Кашгара рассматривался как достопримечательность и служил туристическим объектом: на въездах — кассы, пребывание внутри центра контролировалось билетами. С 2010 по 2012 г. повсеместный снос старого города стал исключительным примером разрушения в мирное время. В 2013 г. началась реконструкция разрушенного города. Она включает в себя восстановление внешне идентичного оригинального ландшафта, разрушенного в предыдущие годы, постройку точных копий уничтоженных зданий. Переселение уйгурского населения, внедрение новых материалов (железобетона) в реконструкцию разрушенных зданий направлены на создание прежде всего хорошо выглядящего туристического продукта. Так китайский и международный туризм обеспечивают себе алиби в уничтожении последнего города, бывшего исключительным примером долгой истории уйгурского урбанизма и архитектуры.

Следующая сессия была посвящена уйгурам постсоветской Средней Азии, её открыл своим докладом *Аблет Камалов* (Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты), Алма-Ата, Казахстан). Постсоветские страны Центральной Азии прошли довольно сложный процесс нового национального строительства, затронувшего не только титульные этносы, но и все этнические меньшинства. В то время как новые государства придают важную роль внедрению модели гражданского общества с фокусом на «титульных национальностях», идентичность

этнических меньшинств в этих странах формируется не только государственной политикой, но и отношениями этнических меньшинств со своей родиной. Таким образом, верность обеим странам — принимающей стране, где этническая группа живет, и стране, из которой она возникла, — составляет суть этно-национальной идентичности этнических меньшинств. Поэтому дискурс о родине становится очень важным маркером любой этнической группы. Для уйгурских меньшинств постсоветских стран Центральной Азии идея «родины» (Ватан) обнажает сложные отношения с родиной — Восточным Туркестаном/Синьцзян-Уйгурским автономным районом, являющимся частью КНР. Дискурс о родине среди казахстанских уйгуров приобрел новые размеры после распада Советского Союза. В советское время уйгуры имели глубокое чувство «советскости», которое поощрялось государственной идеологией и пропагандой: «прогрессивность» и «достижения» всегда особенно подчеркивались советской пропагандой в противовес «отсталости» уйгуров Китая. Советская идентичность уйгуров начал фрагментироваться с середины 1950-х гг., когда крупномасштабная миграция уйгуров из Синьцзяна в советскую Среднюю Азию и Казахстан привела к образованию двух подгрупп — «ярлик» (местных жителей) и «китайлик» (прибывших из Китая). В то время как официальное восприятие родины подразумевало Советский Союз и отражалось в названиях газет на уйгурском и казахском языках, издававшихся для читателей Синьцзяна — «Ватан» и «Отан», обе группы по-разному воспринимали то, что является родиной. Новые иммигранты из Восточного Туркестана/Синьцзяна имели родственников за государственной границей и с конца перестройки стали восстанавливать свои связи с родиной, в то время как для местных уйгуров Восточный Туркестан был просто абстрактной «исторической родиной», существующей и выделяемой в основном в рамках сферы культуры. С распадом Советского Союза и ростом китайского влияния в Центральной Азии уйгуры стали по-новому смотреть на отношения со своей исторической родиной — Восточным Туркестаном (Синьцзяном) — и заново открыли свою сопричастность к уйгурской нации. В то же время они также обнаружили своё отличие от этнических собратьев в Синьцзяне и близость к народам Центральной Азии. Под давлением растущего официального национализма в новых государствах Центральной Азии, а также с формированием транснациональной сети уйгурской диаспоры советская «уникальность» сменилась на восприятие себя частью уйгурской нации. Этнические конфликты в Центральной Азии и Синьцзяне — столкновения между уйгурами и ханьцами в Урумчи в 2009 г. и конфликт между кыргызами и узбеками в Ошской области Кыргызстана в 2010 г. — обратили внимание на два фактора, формирующие уйгурскую идентичность в Центральной Азии, — внешний и внутренний. В первом случае уйгуры Центральной Азии продемонстрировали свою солидарность со своими этническими братьями в Синьцзяне, в то время как Ошский этнический конфликт на юге Кыргызстана показал приоритет этнического сосуществования в новых национальных государствах и более тесной интеграции местных национальных общин.

Хамит Хамраев (президент Международного уйгурского ПЕН-центра, Казахстан) выступил с сообщением «Уйгурская диаспора Казахстана в период с распада СССР до создания ШОС». Декабрь 1991 г., когда Казахстан стал независимым государством, явился мощным толчком и стимулом для уйгурской диаспоры. Общественные объединения, существовавшие до этого времени, резко активизировали свою деятельность. Наряду с ними стали появляться новые уйгурские организации, которые все более решительно и обоснованно проявляли свою позицию. Важно отметить, что практически все уйгурские общественные организации Казахстана, в большей или меньшей степени, направляли свои усилия на попытки изменения положения уйгурского населения не страны проживания — Казахстана, а исторической родины — современного СУАР. При этом следует учитывать, что уйгурское население Казахстана представлено как выходцами из СУАР, так и теми, кто родился и вырос в Казахстане в третьем-четвертом поколениях. Наиболее массовым уйгурским объединением на территории Казахстана в тот период была Организация освобождения Уйгурстана, созданная в июне 1992 г. Более радикальным движением был т. н. Национальный революционный фронт Восточного Туркестана. Между тем единственной уйгурской общественно-политической организацией, получившей государственную регистрацию в сентябре 1992 г. уже в независимом Казахстане, была Межреспубликанская ассоциация уйгуров. Десятилетие с 1991 по 2001 г., когда официально было объявлено о создании Шанхайской организации сотрудничества, куда, как известно, вошел и Казахстан, было тем временем, когда уйгурская диаспора наиболее организованно и целенаправленно вела борьбу за достижение независимости современного СУАР мирными средствами. Абсолютно нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что уйгурская диаспора Казахстана посредством вышеназванных организаций проводила политику террора. Между тем уже «Шанхайская пятерка», образованная в 1996 г. и явившаяся предвестницей ШОС, усилила давление сначала на незарегистрированные, а потом и на зарегистрированные общественные объединения. Что касается самой ШОС, то уже одним из своих первых документов, а именно «Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», она недвусмысленно заявила о векторе своей основной деятельности. Сегодня уже очевидно, что, начиная с 1996 г. и вплоть до 2001 г., когда окончательно сформировалась ШОС, на уйгурские организации Казахстана было оказано сильнейшее давление, в результате которого все они были расформированы.

Доклад *Гузель Майтдиновой* (Российско-Таджикский (Славянский) университет (Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон), Душанбе, Таджикистан) был посвящен истории и современному положению уйгурской диаспоры Таджикистана. На судьбе таджикских уйгуров отразились все сложные политические процессы начала XX в., когда многие уйгуры вынуждены были остаться в Средней Азии, при этом сохранив сознание принадлежности к уйгурскому народу. Современные уйгуры — носители двух культурных традиций — восточноиранской и тюркской. Поэтому в уйгурском языке немало слов, име-

ющих восточноиранское происхождение, что сближает его с таджикским. С другой стороны, уйгурский язык близок к узбекскому и другим тюркским языкам. В материальной и духовной культуре много общих черт с культурными традициями народов постсоветской Центральной Азии. Но на специфике уйгурской культуры также отразились близкие контакты с китайской цивилизацией.

Сессия «Уйгуры в многонациональных империях» проходила под председательством независимого исследователя из США *Набиджана Турсуна*, когда-то — выпускника аспирантуры ИВ РАН, открылась докладом *Юлия Дробышева* (ИВ РАН, Москва) «Некоторые особенности взаимоотношений между Уйгурским каганатом и Китаем». Уйгурский каганат (744–840) имел некоторые существенные отличия от других кочевых империй Центральной Азии в сферах экономики, идеологии и внешней политики. В каганате было развито сельское хозяйство и урбанизация; государственной религией было манихейство. Обычной практикой всех кочевников были нападения на китайские границы, а каганат имел относительно мирные отношения с Китаем. Что было причиной этой «гуманности», несвойственной кочевникам Великой степи? Слишком смело связывать ее с принятием Бегю-каганом манихейства в 763 г. Кредо Мани не одобряло кровопролитие, но это вряд ли имело большее влияние на уйгуров, чем, скажем, не менее гуманный буддизм на тибетцев в VIII–IX вв. Относительно мирная политика каганата в отношении Китая вытекает из других причин. В отличие от других кочевников, соседствовавших с Китаем и вымогавших различные «подарки», уйгуры требовали только шелк. Они получали его также в качестве контрабанды и в виде приданого китайских принцесс, отданных в жены каганам. Некоторую часть шелка они потребляли сами, но основной поток шел на Запад через согдийских купцов. Уйгуры получали большие преимущества от своей помощи Китаю. Благодаря китайским ресурсам уйгурский двор мог поддерживать материальную обеспеченность на беспрецедентно высоком уровне. Уйгуры были заинтересованы в целостности Китая и в присутствии там сильного центра. На самом деле они не были оригинальны в своей китайской политике, но следовали ей достаточно постоянно. Среди причин относительно мирных отношений между уйгурами и Китаем могло быть благоприятное сочетание внутренних и внешних факторов: первое — слабость династии Тан, вынужденной поставлять уйгурам евразийскую «валюту» средневековья — шелк, и, во-вторых — сильное культурное влияние согдийцев. Возможно, уйгурский каганат ориентировал свою культурную и идеологическую политику на Запад в более значительной степени, чем другие степные империи.

Александр Кадырбаев (ИВ РАН, Москва) выступил с сообщением об уйгурах в монгольских империях XIII–XIV вв. Историческая роль средневековых уйгуров определилась еще до монгольских завоеваний, когда они создали свои государства в Монголии: в 745–840 гг. — Уйгурский каганат на Орхоне и в IX–XII вв. — в Восточном Туркестане, где их центрами стали города Бешбалык и Кара-Кочо. При Чингиз-хане уйгуры открыли монголам секрет средневеко-

вой уйгурской письменности, этого важного инструмента государственной организации, давшего ключ к развитой к тому времени тюркской культуре. Уйгурская письменность, принятая Чингисханом, обеспечивала затем функционирование монгольского языка в течение столетий, вплоть до 20-х гг. XX в., до Народной Монголии. Влияние уйгуров оказалось заметным не только из-за уйгурского письма, которое было «ханским» и использовалось не только в Китае, но и в Персии, Азербайджане, Афганистане — и в поэзии, и в науке, и в искусстве. Интересно, что многие уйгуры, а точнее, часть их правящей верхушки, приняли христианство несторианского толка еще в начале XII в. от сирийцев. В значительной степени именно от уйгуров христианство проникло затем и в род Чингисхана, чьи представители правили Китаем до 1368 г. Такие степные племена, как киреиты, найманы, джалаиры, онгуты, татары, кипчаки, аргыны, еще в домонгольское время унаследовали многие традиции средневековой уйгурской культуры, а также христианство несторианского толка. Уйгуры также играли заметную политическую и экономическую роль. Уже на первых порах ключевые посты в империи Чингисхана в системе гражданской власти наряду с киданями и чжурчжэнями занимали и уйгуры. В правление Хубилай-хана уйгуры были самой многочисленной группой среди «сэму» на монгольской службе в Китае. В других странах монгольские завоеватели также активно привлекали к управлению чужеземные для этих стран элементы, в частности уйгуров, имевших в отличие от монголов и достаточные традиции городской и оседлой государственности. Что касается экономической роли уйгуров в Персии, Азербайджане, Афганистане, Курдистане и Ираке в эпоху владычества ильханов Хулагуидов, то вплоть до правления Газан-хана (1295–1304 гг.) она определялась тем, что уйгуры выступали посредниками при ростовщических и торговых операциях.

Доклад Людмилы Чвырь (ИВ РАН, Москва) был посвящен «уйгурской модели» этнокультурных связей в XIX–XX вв. В отличие от большинства докладов — он был основан преимущественно на невербальных источниках (традиционном костюме и традиционной обрядности), которые очень внятно демонстрируют ИТОГ многовековых культурных контактов уйгуров с разными окружающими их народами (от китайцев, монголов и других этносов Центральной Азии до среднеазиатских соседей). Этническая культура любого народа может быть представлена двумя способами — либо как совокупность характерных свойств и компонентов, среди которых акцентируются наиболее своеобразные, либо через её детальное и разностороннее сравнение по разным параметрам с материалом соседних этносов, что в итоге также выявляет её специфику уже в контексте всего региона. В докладе была рассмотрена не историческая динамика, а итоги взаимодействия уйгуров с соседними народами, следующий шаг исследования должен состоять в установлении объективных культурных соотношений между традиционными культурами народов региона. Эта задача выполнена путем последовательного сравнения основных компонентов традиционных культур (в данном случае — костюма и обрядов, верований) уйгуров и каждого из окружающих их народов. Эти

соотношения оказались весьма разнообразными и количественно (по интенсивности контактов и по вовлеченности в них разных сфер культуры), и качественно, по степени сближения обеих культур. Построение объединяющей их модели оказалось сложным делом, хотя сразу было понятно, что её каркас составляют три основных направления межэтнических связей уйгуров — среднеазиатское, центральноазиатское и дальневосточное. Модель этнокультурных взаимосвязей уйгуров в XIX — начале XX в. представляет собой целостную систему, включающую как очевидные свидетельства близости разных этносов, так и сходства, проявляющиеся лишь после глубокого специального анализа. Содержательно эта модель подводит к пониманию исторического места уйгуров в культурном пространстве Центральной Азии: прежде всего, они были и остаются частью мусульманского Туркестана, самой восточной оконечности исламского мира; и одновременно другую неотъемлемую грань уйгурской культуры составляют черты и признаки, являющиеся следствиями многовековых тесных связей с буддийским историко-культурным ареалом. Модель получилась не плоская, стереоскопичная, поскольку учитывает качество (а не только количество) связей и установившуюся к XIX–XX вв. степень близости уйгуров с разными народами (и даже частями этих этносов). Иными словами, схематизм модели позволяет сквозь толщу исторических фактов яснее увидеть и лучше понять уникальность самой уйгурской традиционной культуры.

Дина Дубровская (ИВ РАН, Москва) выступила с сообщением «Династия Цин и уйгуры. Споры по вопросу завоевания Синьцзяна». В своем выступлении Д. В. Дубровская акцентировала китайский взгляд на проблему владения территориями нынешнего Синьцзяна в традиционной китайской историко-политической мысли. Был проведен концептуальный обзор отношений Внутреннего Китая и так называемого Западного края (Си-юя), делившегося для китайцев на Джунгарию и Кашгарию (Восточный Туркестан) со времен древней китайской династии Хань, и отражения этих отношений в китайских источниках, всегда демонстрировавших два полярных взгляда на проблему — за и против амбиций, направленных на владение Си-юем и оазисами вдоль Великого шелкового пути.

В конце XIX в. указанные два направления были персонифицированы в документах и взглядах двух цинских сановников — Цзо Цзунтана (за завоевание) и Ли Хунчжана (против), возглавивших противостоящие партии в оживленной дискуссии, открытой самим цинским двором. В докладе было показано, как сила геополитической аргументации вопреки явно неблагоприятной международной обстановке и приниженному положению Китая, раздираемого амбициями европейских держав и США, привела к проведению крупномасштабной военной кампании, приведшей к отвоеванию и окончательному присоединению Западного края, через некоторое время превращенного в провинцию Китая.

Доклад вызвал очень живую реакцию — в кулуарах к автору обращались участники конференции и аспиранты Университета Джорджа Вашингтона

с просьбой предоставить материалы и текст презентации. Автор и собеседники обменялись сведениями об источниках и о монографии автора, опубликованной на тему доклада; в процессе дискуссии выяснилось, что нынешние ученые КНР отказались приехать на наш конгресс, утверждая, что Си-юй «принадлежал Китаю всегда» — утверждение, опровергаемое сделанным докладом.

Сессию «Влияние России и Советов на судьбы уйгуров» открыл своим сообщением *Александр Васильев* (ИВ РАН, Москва). Он рассказал о судьбе Бек-кули-бека, сына Якуб-бека, по данным архивов Российской и Османской империй. Работа в архивах двух стран позволяет сравнить различные документы и выявить новые данные по истории Центральной Азии. Один из самых интересных, но малоизвестных эпизодов касается ситуации, сложившейся в Кашгаре в период правления Якуб-бека, который сумел создать независимое государство в Восточном Туркестане. В 1877 г. после смерти Якуба-бека его сын Бек-Кули должен был унаследовать государство от отца, однако из-за внутренних распрей и поражения от китайских войск ему пришлось бежать на территорию русского Туркестана. Впоследствии, с разрешения российской администрации, он отправился в Османскую империю, где получил аудиенцию у султана, и в Британскую Индию. В архиве Османской империи хранится анализ политической ситуации в Кашгаре, написанный Бек-Кули для Абдулхамида II. Недавно открытые документы из российских архивов раскрывают дальнейшую судьбу Бек-Кули-бека. Сравнение документов из турецких и российских архивов помогает проследить эволюцию политических взглядов кашгарского принца, понять мотивы заинтересованных сторон и представить более отчетливо некоторые аспекты международной политической интриги в Центральной Азии.

Валерий Бармин (Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул) выступил с докладом «Деятельность Коминтерна по созданию революционной партии в Синьцзяне в 1920-е годы». 4 июня 1921 г. на специальном заседании Политбюро ЦК РКП рассматривалось «предложение Я. Рудзутака о формировании Кашгарской и Джунгарской республик» на территории китайской провинции Синьцзян. Однако комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин посчитал проект за авантюру и категорически высказался против этого предложения. Обсудив вопрос, члены Политбюро, включая В. Ленина, пришли к решению «согласиться с мнением Чичерина». Но, судя по дальнейшим событиям, идея о создании революции в Синьцзяне продолжала жить. Один доклад, представленный Коминтерну, заявлял, что примерно 500 000 уйгуров, мигрировавших в разное время из Синьцзяна, обосновались на территории центральноазиатских республик в 1920-е гг. Около половины из них по-прежнему являлись гражданами Китая. Другой отчет оценил, что на территории русского Туркестана проживало 279 000 китайских мусульман. Многие из них вступали в Красную армию и защищали Советскую Россию. Оба доклада сошлись в том, что уйгуры являются хорошими посредниками для продвижения социалистических идей на территории Синьцзяна. В фев-

рале 1923 г. Центрально-Азиатское бюро РКП (б) получило подробный «Меморандум по уйгурскому (кашгарскому) вопросу», написанный уйгурским коммунистом А. Розыбакиевым, который предложил конкретный план создания революционной партии в Синьцзяне. Бюро рассмотрело предложения Розыбакиева с большим вниманием и интересом и издало постановление «О работе с уйгурами», первый пункт которого гласит: «... признать необходимость начать подготовку к съезду революционеров провинции Синьцзян Китая». Тем не менее, в тот же период НКВД завершал интенсивную работу по установлению дипломатических отношений с Китаем. Стало ясно, что в этих условиях любые осложнения в переговорном процессе будут крайне нежелательными. Но самую важную роль в сдерживании «революционного энтузиазма» отдельных партийных лидеров и работников Коминтерна сыграли хорошо обоснованные и убедительные аргументы против «кавалерийской атаки» со стороны тех, кто знал Синьцзян и ясно предвидел последствия безрассудной авантюры. 17 февраля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло специальное постановление об организации революционной работы в Синьцзяне. В резолюции, среди прочего, утверждалось следующее: а) предложить Азиатскому бюро и Казкрайкому пересмотреть организацию персонала в уйгурских разделах и не вовлекать в работу организации лиц, причастных к уйгурскому движению в Синьцзяне; б) считать любую деятельность или агитацию, направленную на отделение провинции Синьцзян или ее части от Китая, вредной и неприемлемой. В резолюции Политбюро, по существу, отмечалось признание того факта, что отношения с Синьцзяном, основанные на выгоде и преимуществах, которые будут получены при сохранении целостности Китая и существующего государственного и общественного строя в провинции, были гораздо предпочтительнее, чем возможность получения тех же преимуществ, но через революционную войну с непредсказуемыми результатами. Идея революционизировать Синьцзян путем формирования партии социалистического типа была на некоторое время отложена, но не забыта. В новых политических и социально-экономических условиях середины 1940-х эта идея вернулась. Надо отметить, что выступления В.В. Бармина вызвали большое количество вопросов и дискуссию. В частности, полемика участников конференции возникла вокруг тезиса докладчика о том, что советское правительство последовательно отвергало предложения и идеи революционизировать население провинции или аннексировать Синьцзян. Это было принципиальной позицией советского руководства, хотя экономические и военно-политические условия вполне позволяли сделать и первое, и второе. Докладчик сумел в своих выступлениях и в дальнейшей дискуссии достаточно убедительно показать, что революционный романтизм и политический авантюризм отдельных деятелей руководства СССР и Коминтерна был отвергнут прагматиками в правящих кругах советского государства, которые считали, что выгодное торгово-экономическое сотрудничество с провинцией значительно предпочтительней тех проблем, которые возникнут после ее возможной аннексии.

Сообщение *Сабинь Требиньяк* (Sabine Trebinjac) (Лаборатория этнологии и сравнительной социологии (Laboratoire d'ethnologie et de sociologie comparative), Национальный центр научных исследований (Centre national des recherches scientifiques (CNRS)), Университет Париж X Нантер (Université Paris X Nanterre), Франция) также было посвящено планам СССР по аннексии Китайского Туркестана. В ходе научной командировки в Москве и работы в архивах Коминтерна и Коминформа, которые с тех пор были (повторно) закрыты, автору удалось собрать много данных по уйгурской истории с первых десятилетий XX в. Эти данные показали, что Советы вынашивали планы аннексировать северо-восток и северо-запад Китая не только через засылку своих эмиссаров, но и путем воспитания когорты молодых мигрантов в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. Вся стратегия была возложена на Берия как основного исполнителя, и уже была обговорена дата начала операции, но Сталин умер ровно днем раньше, и все было остановлено.

Доклад *Владимира Бойко* (Алтайская государственная педагогическая академия; Алтайский государственный университет, Барнаул) был озаглавлен «Этничность, конфликты и развитие Синьцзяна в 1910–2010-е годы в российской, советской и постсоветской историографии». Россия играла активную роль в Центральной Азии, так как во второй половине XIX в., кроме Британской империи, она вела борьбу с Цинской империей, завоевавшей Западный край (Синьцзян), который исторически был частью центральноазиатских земель и культуры. Впервые среди россиян исследовательский интерес к Синьцзяну проявили Ч. Валиханов, А. Куропаткин, Л. Корнилов, К. Маннергейм и др. Их поездки и полевые работы в большой степени руководствовались военно-политическими соображениями. В ранний советский период Академия Синика подготовила научную экспедицию в Синьцзян, но вскоре изучение этой беспокойной области стало носить конфиденциальный характер, тесно связанный с политическими тенденциями. Исследования Синьцзяна, а также уйгуроведение в России и других постсоветских республиках в настоящее время выпали из широких исследовательских и аналитических дебатов, и список экспертов слишком короток для обеспечения комплексного анализа китайской «ахиллесовой пяты» (О. Зотов, Л. Чвырь, А. Бондаренко, Е. Савкович — в России, А. Ходжаев — в Узбекистане, К. Сыроежкин и А. Камалов — в Казахстане, и др.). Ведется некоторая деятельность по изучению этой темы и на Алтае — этот регион является для России единственным «окном» в Западную пограничную зону Китая. С начала XX в. Синьцзян стал частью российских/советских стратегических схем по внедрению (А. Снесарев) во все китайские политические органы. Хотя северный сосед не был заинтересован в разжигании сепаратизма в Синьцзяне, Россия стремилась внедриться туда политически, чтобы контролировать обе стороны советско-китайской границы, что потенциально угрожало ханьскому господству. После правления Мао эти области, стремительно меняющиеся в рамках стратегии развития западных регионов, все еще бросают вызов стабильности и целостности КНР, в пер-

вую очередь своей тюркской идентичностью и религиозно-культурным партикуляризмом.

Анна Бондаренко (независимый исследователь, ранее научный сотрудник ИДВ РАН, Норильск) также посвятила своё сообщение историографии, а именно изучению СУАР в России. Российские исследования современного СУАР условно можно разделить на три хронологических периода. Первый период длился с 1870-х гг. до 1917 г., изучение Синьцзяна велось в контексте завоевательной политики России в Центральной Азии. Второй период связан с событиями после Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до 1949 г., этот этап во многом был связан с расцветом Белого движения, представители которого бежали из СССР в Синьцзян, борьбой с ними на территории района, а также прощупыванием возможности отделения Синьцзяна от слабого Китая. Третий период начинается с 1990-х гг. (время распада СССР и становления нового государственного строя на территориях бывших советских республик) и длится по настоящее время. Внутреннее развитие Синьцзяна в работах российских исследователей рассматривается в основном через призму национальной и религиозной политики официального Пекина в условиях многонационального и многоконфессионального состава населения района. Что касается внешнего развития Синьцзяна, то стоит отметить, что у многих российских исследователей в центре внимания находится уйгурский вопрос, который рассматривается в связи с политикой Китая в Центральной Азии, направленной на совместное с центральноазиатскими республиками решение проблемы «трех зол», а также в контексте совместной с другими странами — участницами ШОС борьбы Китая с международным терроризмом и исламским экстремизмом. Работа самой А. Бондаренко, «Синьцзян-Уйгурский автономный район в начале XXI века», стала первой в российском китаеведении исследованием современной ситуации в СУАР и её международного контекста. Была предпринята попытка комплексного анализа внутри- и внешнеполитического, экономического развития СУАР, начиная с 1990-х гг. XX века до 2010 г.

Набиджан Турсун (Nabijan Tursun) (независимый исследователь, Вашингтон) выступил с докладом «Этнополитическая ориентация уйгуров и Советский Союз». В его докладе была рассмотрена роль уйгурских интеллектуалов в возникновении и развитии уйгурских националистических движений в первой половине XX в. и советская национально-политическая ориентация среди уйгуров. Политика Советского Союза по разделению мусульманских тюркских народов Центральной Азии и Кавказа этническими границами и начало создания национальных республик в 1924 г. вызвало желание среди уйгуров создать и свою национальную республику. Многие важные и высокопоставленные представители уйгурского интеллектуального класса в первой половине прошлого века проживали в республиках Центральной Азии. Идея национально-освободительного движения была озвучена на Конгрессе Революционного Уйгурского Союза в Ташкенте в 1921 г. Впервые уйгурские интеллектуалы и националисты из Синьцзяна и Советской России собрались вместе для создания организации с политической целью установления уйгурской

республики. В результате этнической политики и политических целей Советской России большое количество уйгурской молодежи обучалось в университетах советских городов, в том числе Москвы, Ленинграда, Ташкента, в течение 1920-х и 1930-х гг., что привело к созданию значительного уйгурского интеллектуального класса в советской Средней Азии в начале XX в. В первой половине XX в. в результате движения за уйгурское образование, распространявшегося во всем Синьцзяне, среди уйгурского народа начало развиваться новое понимание и национальное сознание. Уйгуры, получившие образование за рубежом, наряду с интеллектуалами других стран играли видную роль в развитии национализма в этот период. Советский Союз держал под тщательным контролем политическое, культурное и образовательное развитие уйгуров в Синьцзяне в 1930–1940-х и 1950–1980-х гг. Уйгурские интеллектуалы, в том числе и получившие образование в Советском Союзе, сыграли главную роль в национально-освободительном движении 1944–1949 гг. и создании Восточно-Туркестанской Республики в 1944 г.

Последний день конференции открылся сессией «Новые открытия в изучении древней истории и культуры уйгуров». Первый доклад был прочитан *Дмитрием Васильевым* (ИВ РАН, Москва). Одним из наиболее масштабных проектов последних лет по исследованию тюркских древностей в Российской Федерации были комплексные исследования окрестностей древнеуйгурской крепости Пор-Бажын в Туве. Сейчас трехлетний период полевых исследований завершен, публикуются итоги различных аспектов изучения памятника. Тем не менее, осталось еще немало нераскрытых страниц истории сооружения и функционирования укрепленной летней резиденции древнеуйгурского кагана Моюн-чура на острове таежного озера. Постоянно действующая Эпиграфическая экспедиция Института востоковедения РАН ежегодно проводит изыскания памятников древнетюркской письменности в Южной Сибири. Тюркские рунические надписи были обнаружены и в окрестностях крепости. Семь наскальных надписей уйгурского периода в истории Центральной Азии найдены на горном перевале у тропы и являются посетительскими заметками на скале святилища. Другая группа надписей была найдена на плитах кургана тагарского типа в северной части Хакасии и по содержанию может быть отнесена к манихейским молитвенным текстам. Манихейское вероучение было принято уйгурами в середине VIII в. В докладе были предложены варианты прочтения надписей и их источниковедческий комментарий.

Сообщение *Сергея Дмитриева* (ИВ РАН, ИСАА МГУ, Москва) было посвящено изучению уйгурского влияния на правителей Монгольской империи в ранний период её существования. Ярчайшим примером этого влияния является столица империи, Каракорум. Анализ письменных и эпиграфических источников позволяет предположить, что при выборе места строительства будущей столицы, равно как и её названия, Угэдэй руководствовался мнениями своих уйгурских советников из Турфана, которые и убедили его строить город неподалеку от древней столицы Уйгурского каганата и назвать его именем одной из уйгурских священных гор. Вероятно, это должно было позволить державе

Угэдэя возродить мощь Уйгурской империи. Не исключено, что первые монгольские правители рассматривали Уйгурский каганат в качестве образца кочевой империи и полагали себя его наследниками. Именно эту идею должна была символизировать новая столица. «Уйгурская фаза» в истории Монгольской империи прежде всего связана с именем Угэдэя — после прихода к власти Тулуидов влияние уйгуров ослабевает, а Хубилай в значительной степени разворачивает империю в сторону Китая, куда им была перенесена столица.

Рисалат Каримова (Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алма-Ата, Казахстан) выступила с докладом «Культовые сооружения уйгуров XIV–XIX веков: формирование архитектурного стиля». В докладе были проанализированы стилевые особенности нескольких уйгурских мусульманских культовых сооружений XIV–XIX вв. На их примере было прослежено формирование архитектурных стилей разных исторических эпох, получивших распространение в архитектуре уйгуров. Мавзолей Туглук-Тимур-хана, возведенный в XIV в. (1363–1369) на могиле первого правителя Могулистана, находится в окрестностях древнего города Алмалык (территория современного СУАР). По стилиевой принадлежности мавзолей Туглук-Тимур-хана представляет собой памятник архитектуры раннего для Центральной Азии периода мусульманского монументального зодчества. Архитектурной достопримечательностью города Яркенда является Азна-мечеть, бывшая Жами-мечеть города. Анализ архитектурной композиции, приемов декоративного оформления позволяет отнести этот памятник к концу XIV–XV вв. Однако в отличие от мощной, подавляющей своим величием и красочностью декора центральноазиатской архитектуры Тимуридской эпохи, Азна-мечеть покоряет скромностью форм в сочетании с затейливостью замысла, сдержанной красотой гибких линий арок и куполов, как бы переливающихся друг в друга звеньев обходной галереи, скромным и одновременно праздничным белым цветом строений. Интересным явлением, возникшим на почве культурного взаимодействия в архитектуре Центральной Азии XVIII–XIX вв., стало формирование так называемого китайско-мусульманского стиля, возникшего на основе синтеза традиций восточнотуркестанской исламской и китайской архитектуры. Иллюстрацией китайско-мусульманского стиля могут служить мечети в г. Жаркенте (Алма-Атинская область Республики Казахстан) и Кульдже (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Соборная мечеть в г. Жаркенте — это уникальное явление в архитектуре среднеазиатско-казахстанского региона и мусульманского Востока в целом, но достаточно привычное на севере Синьцзяна. Она представляет собой неожиданное, еще не успевшее обрести гармонии соединение чужеродных архитектурно-композиционных форм и декора, характерных для культуры разных цивилизаций — китайской и центральноазиатской.

Доклад *Аблета Семета* (Ablet Semet) (Университет им. Георга Августа (Georg-August-Universität), Геттинген, Германия) был посвящен новым открытиям в изучении древнеуйгурского текста *Maitrisimit nom bitig*. Как известно, первая и вторая рукописи этого буддийского текста были обнаружены в 1906 г. в одной из святых пещер в ущелье Сенгим — Агыз, а затем, в том же

году, в соседнем ущелье Муртук в Турфане. Изучение находок началось только год спустя. Этот важный источник совершил свой первый вклад в науку после того, как помог прояснить этноним «тохарский», приведенный в колофонах к нему. Благодаря этим манускриптам ученые смогли более ясно увидеть центральноазиатский буддизм и его литературу. Был дан старт первым исследованиям, сравнивавшим тюркский язык с индогерманским. С тех пор прошло уже 108 лет. В связи с большим количеством мелких фрагментов в *Maitrisimit nom bitig*, а также появлением новых исследования по нему еще не завершены. Например, в 1956 г. в горном районе, носящем имя Темерти, недалеко от города Комул, была обнаружена большая часть второй рукописи. В 1974 г. часть второй рукописи тохарского текста А была найдена в Шикшиме, рядом с городом Карашар. В 2012 г. в небольшой деревне Нернаси неподалеку от Темерти, было найдено большое количество мелких фрагментов, принадлежащих к первой обнаруженной рукописи из Темерти. В нашей работе по объединению фрагментов из Темерти с найденными в Нернаси и составлению законченной картины мы руководствовались не только рукописями из Сенгима, но и двумя тохарскими А манускриптами. При обсуждении *Maitrisimit nom bitig* мы должны помнить тех, кто занимался текстом в течение многих лет: таких ученых, как Ф. В. К. Мюллер и Анн-Мари фон Габен, Синаси Текин, Ганс Йоахим Климкайт, Цзи Сянлинь, Гэн Шиминь, Йенс Петер Лаут и Жорж-Жан Пино. В настоящее время я имею возможность работать с двумя последними. С 2010 г. под руководством профессора Йенса Петера Лаута я работаю над проектом, реализуемом на кафедре тюркологии и исследований Центральной Азии Университета Геттингена, финансируемом Немецким научно-исследовательским обществом (*Deutsche Forschungsgemeinschaft*), который ставит задачей отредактировать и опубликовать всю древнеуйгурскую литературу, связанную с культом Майтрейи. Профессор Жорж-Жан Пино поддержал нас и предоставил информацию, касающуюся тохарских аспектов исследования. С помощью *Maitrisimit nom bitig* можно изучать много важных тем, такие как, к примеру, религия, язык, литература и местные этнические особенности.

Последняя сессия конференции была посвящена устным и письменным традициям уйгуров с древности до наших дней и проходила под председательством Д. Д. Васильева. С первым докладом, «Краткая история уйгурской литературы», выступил Долкун Камбери (*Dolkun Kamberi*) (*Radio Free Asia*, Вашингтон, США). Уйгурские литературные произведения раннего и позднего средневековья в основном представляли собой переводы буддийских и манихейских религиозных книг. В течение последних 100 лет в ходе археологических экспедиций на территориях, где проживали уйгуры, в Турфане и бассейне Тарима, были обнаружены новые тексты, поэтические, любовные истории, эпические рукописи и религиозные доктрины, написанные на средневековом уйгурском языке. Культурное наследие в ранней народной поэзии и пословицах из словаря Махмуда Кашгари и других средневековых уйгурских текстов связано с нравственным воспитанием, призывает к дружбе, великодушию, радушному гостеприимству и богатому жизненному опыту, а также фи-

лософским идеям и знаниям уйгурских тюрок. Народная поэзия и народные песни уйгуров очень часто состоят из рифмованных четверостиший. Эта литературная форма также широко распространилась и укоренилась среди других народов Центральной Азии. Средневековые исторические записи и уйгурская литература свидетельствуют, что уйгурская цивилизация имела долгую историю и свои традиции. Одно можно сказать наверняка: уйгурская литература, включая религиозные рассказы, стихи, устное повествование и искусство, служит бесценным источником дополнительной информации для понимания уйгурской культуры и проясняет развитие стилистических и культурных тенденций средневековых уйгуров.

Сообщение *Риана Тума* (Rian Thum) (Университет Лойолы (Loyola University), Новый Орлеан, США) было озаглавлено «Текст и практика в уйгурском исламе». В докладе были рассмотрены методологические и теоретические проблемы, с которыми сталкиваются любые попытки охарактеризовать ислам среди уйгуров, и были предложены подходы для решения этих трудностей. Предыдущие исследования уйгурского ислама наталкивались на одну из следующих двух проблем: некоторые авторы предполагали, что, поскольку уйгуры практикуют форму суннитского ислама, их практика в целом повторяет контуры суннитского ислама Ближнего Востока. Другие ученые обходят эту проблему, опираясь на этнографические полевые работы, но эти исследования, как правило, игнорируют большую массу народных религиозных текстов, сформировавших народное понимание религии до и после вхождения региона в КНР. На примере двух уйгурских текстов, катехизиса и агиографии, в докладе было продемонстрировано, что выпало из поля зрения ученых. Уйгурское понимание ислама требует переоценки таких категорий, как сунниты, шииты, суфии и даже самого понятия «мусульманин». В работе утверждается, что ислам среди уйгуров опирался на определенный и расширенный канон священных текстов, распространенность текстового материала в народных практиках, слияние веры и идентичности. Настоящее изучение уйгурского народного ислама ещё впереди.

Мамтимин Ала (Mamtimin Ala) (независимый исследователь, Австралия) выступил с докладом «Между утопией и дистопией: уйгурская интеллигенция с 1949 по 2000 гг.». В докладе было рассмотрено социальное положение и политическая роль уйгурских интеллектуалов в Восточном Туркестане. Разделив указанный период на четыре стадии, автор утверждает, что уйгурские интеллектуалы, которые пока далеки от формирования самостоятельного социального, интеллектуального и культурного класса или группы, находились в постоянном конфликте между призывом служить доминирующей политической власти и стремлением выражать интересы слабых. Дилемма уйгурских интеллектуалов видится в том, что вести переговоры с властью сверху так же трудно, как вести переговоры со слабыми снизу. Делается вывод, что сущность уйгурского интеллектуала означает постоянную борьбу за то, чтобы найти компромисс между конфликтующими интересами и истиной, что есть не только универсальная, но и личная ценность.

Доклад *Татьяны Аникеевой* (ИВ РАН, Москва) был посвящен некоторым мифологическим сюжетам в древнеуйгурской литературе. Элементы древнетюркской пространственной ориентации и некоторые мифологические понятия (например, сны, предсказывающие гибель и/или бедствия, относящиеся к традиционной тюркской социальной картине и эсхатологической модели древнетюркской мифологической системы, где смерть государства (что вызывает прежде всего внутренние социальные конфликты, например, восстания богов и людей) описывается как конец всего мира) являются частью традиционного тюркского комплексного мировоззрения, который находит отражение как в некоторых рунических надписях, так и позже в дидактической поэме «Кутадгу Билиг» и частично в тюркском эпическом фольклоре и некоторых исторических памятниках и летописях. Сущностью этого мировоззрения является система пространственной ориентации. Как хорошо известно, древние тюрки имели (а некоторые тюркские народы сохранили до наших дней) несколько линейных способов пространственной ориентации, характеризующиеся позицией относительно солнца: к восходящему солнцу (на восток), к полуденному солнцу (то есть место, где солнце находится в зените, *kün ortu*, — или на юг) и к полуночной стороне. Существует также другой способ ориентации на вертикальной линии «вверх — вниз»: Восток и Запад определяются по вертикальной линии, Юг и Север — по поперечной (вперед — назад) линии превращения неба в полдень. Например, буддийские тексты в Турфане: (ТТ V A88–89: «медитация на ослабление [демонов]»). Смотрите также тексты, посвященные движению планет и расположению созвездий, которые также содержат астрологическую информацию: (ТТ VII 354, 10, 22, 28 и т. д.: «когда человек [в полдень] [остаётся]»). Эта архаичная тюркская система ориентации является очень стабильной, и ее следы можно увидеть на протяжении очень длительного времени, несмотря на исламское влияние в поздних текстах разных жанров, принадлежащих различным тюркским народам, таких как исторический эпос «*Secere-i tarakima*» Абулгази-хана, «*Kitab-i dedem Korkut*», «*Daftar-i Çingiz-name*».

Уйгуроведческий конгресс, проведенный в политическом сердце Северной Америки при участии ключевых фигур уйгурской диаспоры в США, стал интересным сочетанием острополитических выступлений, дискуссий и круглых столов и площадкой для выступлений классических историков, культурологов, этнографов, искусствоведов, археологов. Сильное впечатление на организаторов произвела российская делегация, удивившая хозяев симпозиума наличием исследований на темы, только сейчас поднимаемые в западной науке, — отсюда вопрос о необходимости участия наших ученых в подобных конференциях, более частом научном обмене и переводе имеющихся работ. Неизбежная политизированность конгресса остро поставила вопрос о поиске разумного баланса между классическим «отстраненным» уйгуроведением и исследованиями уйгурской современности в нынешней КНР и диаспоре. Для большинства уйгуроведов и китаеведов, занимающихся политической ситуацией в Центральной Азии, это вопрос болезненный по причине

неизбежных оглядок на отношения между Россией и Китаем, Китаем и США и Россией и США. Следует отметить даже некоторое смущение организаторов по отношению к российским ученым по этой причине, попытки сгладить наиболее резкие высказывания комментариями, подчеркивающими излишнюю эмоциональность и субъективность докладчиков.

Помимо крайне интересных докладов, конференция запомнилась насыщенным и оживленным общением в кулуарах. Абсолютное большинство участников сходилось во мнении, что едва ли не главный результат конференции — это возможность впервые увидеть друг друга, которую получили специалисты из разных стран. Если имеющиеся планы о регулярном проведении конференции претворятся в жизнь, то это позволит мировой общественности иметь гораздо более полное, основанное на научных исследованиях специалистов разных стран, представление о культурном наследии и современном положении уйгуров как в КНР, так и в других странах.

После завершения конференции организаторы в лице руководителя Центрально-Азиатской программы Института европейских, российских и евразийских исследований ун-та им. Дж. Вашингтона М. Ларюэль и профессора Института европейских, российских и евразийских исследований университета им. Дж. Вашингтона Ш. Робертса выдвинули предложение сделать конференцию ежегодной и провести следующее заседание в 2015 г. в Париже или Стамбуле, а в 2016 г. — в Москве. В ходе переговоров (с российской стороны участвовал Д. Д. Васильев) обсуждались возможность и условия проведения конференции по уйгуроведению в Москве в 2016 г. и вопросы ее организации.

Нельзя не отметить словами искренней благодарности и гостеприимство уйгурской общины США и Канады, которая участвовала в подготовке и проведении конференции, организовала посещение Уйгурского культурного центра в Вашингтоне «Уйгурский дом» и неизменно окружала всех участников своей заботой и вниманием.